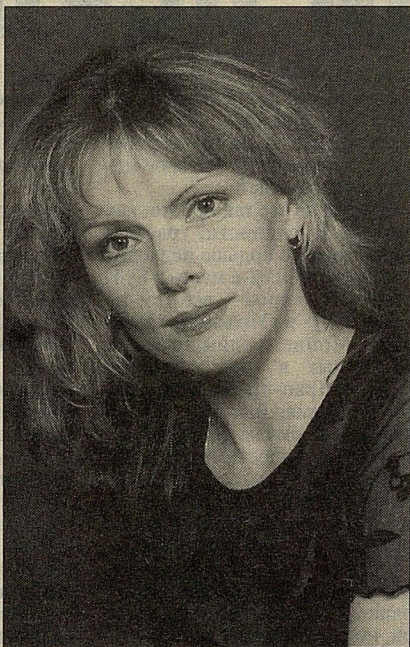

Сомнительное приношение

Коктейль из французской музыки в исполнении певицы Татьяны Моногаровой на сцене Большого зала Московской консерватории – это первый концерт в цикле приношений молодых вокалистов выдающимся певцам, уже оставившим сцену. Этот вечер был посвящен Заре Долухановой – виртуозному колоратурному меццо-сопрано из 50–70-х годов. Ныне она профессор Академии музыки имени Гнесиных, но отнюдь не «свадебный генерал». Сегодня у нее в классе три десятка девочек, мечтающих о такой же славе, как у их педагога.

Правда, одна из самых очаровательных московских оперных солисток Татьяна Моногарова (безумно трогательная Мими в «Богеме», гордая

Татьяна Моногарова.

Татьяна в «Евгении Онегине» и не состоявшаяся Маргарита в «Фаусте», так как из-за цепочки разногласий певица только что решила покинуть свой родной театр – Музыкальный имени Станиславского и Немировича-Данченко) ученицей Зары Долухановой никогда не являлась. Да и к тому же французская музыка никогда не была фавориткой выдающейся исполнительницы, прославившейся прежде всего в итальянской опере и в амплуа камерной певицы. На этом заглади вечера не исчерпывались. Взяв слово после антракта, художественный продюсер этого цикла Георгий Каретников агрессивно обрушился с гневными обвинениями за нелюбовь к его начинанию не только в адрес министра культуры Михаила Швыдкого, но и лично президента России Владимира Путина. Ситуация стала походить на картинку из комикса. И оставалось гадать, какие личные цели преследовал в тот момент г-н Каретников, ради чего задумал прикрыться великими именами и эксплуатировать молодежь.

А тем временем симфонический оркестр Российского государственного центра телевидения и радиовещания под управлением Сергея Политикова откровенно халтурил – гремел, фальшивил и расползался во все стороны, как будто ни разу не репетировал со дня своего основания. Певице, попавшей в такую ситуацию, естественно, не позавидуешь. Она пыталась быть лиричной, а оказывалась скучной. Все образы – будь это Маргарита из «Фауста» Гуно и Микаэла из «Кармен» Бизе или Гульда из одноименной оперы Франка и Лия из «Блудного сына» Дебюсси – получились странно похожими друг на друга, а взгляд и лицо были надежно спрятаны от публики под густой челкой. Татьяна Моногарова выглядела уставшей и была явно не в голосе, которому верхние ноты подчинялись с большой неохотой.

Из обозначенных в программке второго отделения концерта романсов Форе в реальности осталась половина. Вообще страсть к аранжировке классических камерных произведений – сегодня модное занятие. Правда, в отличие, к примеру, от Чайковского, Рахманинова или Глинки в письмах Форе можно найти строки о том, что он желал бы услышать свои романсы в оркестровом исполнении. Эту спорную, с точки зрения музыкальной этики, работу очень корректно и элегантно сделал Александр Покидченко. В этом репертуаре Татьяна Моногарова чувствовала себя заметно уютнее, и у нее почти все получалось. Но опять оркестр вредил солистке изо всех сил. Куда уместнее и художественно оправданнее в данной ситуации выглядел бы ансамбль певицы и пианиста. В финале же оркестр грянул «Болеро» Равеля. И все малые музыкальные достижения концерта потонули в грохоте. Вечер стал бенефисом профнепригодного оркестра, а главные герои вечера – сидящие в партере Зара Долуханова и Татьяна Моногарова – оказались в двусмысленном положении.

Мария БАБАЛОВА, «Новые Известия».

Новые известия. – 2004. – 15 сентяб. – с. 4.